

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики ее преподавания

**Традиции восточной поэзии в «Подражаниях
Корану» А.С. Пушкина: методика стилового анализа**

Выпускная квалификационная работа

Квалификационная работа
допущена к защите

_____
Зав.кафедрой
мая 2016 г.

Руководитель ОПОП:

_____

Исполнитель:

Потапова Дарья Антоновна
обучающийся группы БР-41

_____

Научный руководитель:

Ложкова Т.А.
докт. филол. наук, доц.

_____

Екатеринбург 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВОСТОЧНАЯ ПОЭЗИЯ И КОРАН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА РУБЕЖА XVIII-XIX ВЕКОВ	16
1.1. Восточная поэтическая традиция и русская культура XVIII-начала XIX века	16
1.2. Коран в России XVIII-начала XIX века	21
ГЛАВА 2. ВОСТОЧНОЕ СОЗНАНИЕ И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В «ПОДРАЖАНИЯХ КОРАНУ»	27
2.1. «Подражания Корану»: источники и этапы создания	27
2.2. Своеобразие субъектной организации «Подражаний Корану»	36
2.3. Стилизовое своеобразие цикла	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	56

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших особенностей пушкинского таланта традиционно считается способность художественно воплотить и выразить дух не только русского, но и других народов. Так, еще В.Г. Белинский говорил о могуществе Пушкина-Протея, умеющего проникать в дух разных эпох и «способного являться во всех формах» [Белинский 1954: 309]. Этой способностью восхищался Н.В. Гоголь: «И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец...» [Гоголь 1952: 382]. Протеизм Пушкина, по Гоголю, — это способность точно выражать и воплощать дух любого народа и в то же время всегда оставаться самим собой, русским поэтом. Идея «перевоплощаемости» Пушкина особенно близка была Достоевскому. Его концепция творчества Пушкина основывалась на единстве двух начал: всемирности и народности. В речи о Пушкине Достоевский так характеризовал «Подражания Корану»: «...разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее?» [Достоевский 1995: 437].

Отечественные литературоведы также единодушны в оценке пушкинского протеизма. Так, У Д.Д. Благого читаем: «Наряду с национальным своеобразием и никак не в ущерб ему, одна из основных особенностей пушкинского творческого облика — единственная в своем роде способность художественно ‘перевоплощаться’, глубоко проникать в дух самых различных эпох и народов, самых разнообразных культур» [Благой 1966: 321-322]. Г.А. Гуковский, отмечая активный интерес А.С. Пушкина к мировым сюжетам, «чужим» поэтическим стилям, видит в этом конкретно-историческое и в то же время глубоко индивидуальное проявление пушкинского художественного

метода — его исторического реализма, реализма, обогащенного историзмом. Эту особенность творчества Пушкина Гуковский «всемирной отзывчивостью»: «Пушкин стилистически различен в стихотворениях даже одного и того же года. И все же внешняя пестрота пушкинского творчества не снимает вопроса о глубоком и ярком его единстве. Это единство... основывается на единстве объективного мира, истории человечества и его культуры, породившей Пушкина и воспринятой им, то есть отраженной в нем двояко, тематически и методологически» [Гуковский 1957: 109].

Одним из ярких проявлений пушкинского протеизма является поэтический цикл «Подражания Корану», написанный в Михайловском в 1824 году, сразу после возвращения из южной ссылки.

Исследователи расходятся во мнениях относительно самого процесса работы поэта над данным циклом. Б. В. Томашевский исходя из писем Пушкина (в частности, письмо брату, в котором он говорит: «Я тружусь во славу Корана...»), делает заключение, что вероятнее всего, Пушкин приступил к написанию «Подражаний» в конце октября 1824 года. К ноябрю 1824 года поэт уже поглощен замыслом настолько, что применяет язык Корана к самому себе: «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доньне правоверные ожидают его». (Бегство из Мекки в Медину — переезд из Одессы в Михайловское, «мой Коран» — рукопись сборника стихотворений Пушкина) [Томашевский 1961: 18].

Несколько иной позиции придерживается С. А. Фомичев. В своей работе «„Подражания Корану“: генезис, архитектоника и композиция цикла» он, опираясь на материалы из рабочих тетрадей Пушкина (третьей кишиневской и второй масонской), выделяет три этапа, в которые создавался цикл. Первый — начало октября 1824 года (конкретнее — 2 октября). В этот период были созданы стихотворения «Смутясь, нахмурился пророк...», «С тобою древле, о всесильный...» и «Земля недвижна — неба своды...» (III, IV и V подражания). Второй период — конец октября — начало ноября 1824 года. Именно к «Подражаниям», написанным в этот период, относится замечание Пушкина в

письме к брату (1-10 ноября 1824г.): «Я тружусь во славу Корана и написал кое-что еще...», т.е. с точки зрения Фомичева Томашевский ошибался, относя это письмо к начальному этапу работы над «Подражаниями Корану».

Работа Пушкина над циклом была завершена до 15 марта 1825 года, так как в это время он отправил в Петербург рукопись сборника своих стихов.

Существуют различные точки зрения и на вопрос о степени точности передачи текста Корана в «Подражаниях» А.С. Пушкина.

Б.В. Томашевский считает, что Пушкин обращался с оригиналом достаточно свободно, вводя свои темы и убирая некоторые мотивы оригинального Корана. Он доказывает это, проделав тщательный сопоставительный анализ «Подражаний» с конкретными главами и сурами Корана [Томашевский 1961: 18-24]. Первое «Подражание» исследователь соотносит с главой «Солнце восходящее», однако замечает, что Пушкин не ограничился текстом выбранного места: формула клятвы («Клянусь четой и нечетой...») составлена из разных сур Корана (например, в ней есть элементы из главы «Заря»). Однако такое дополнение допущено только в формуле клятвы, в остальном - переработанный (достаточно сильно, по мнению Б.В. Томашевского) оригинал: «Под пером Пушкина текст Корана сильно видоизменился. Вместо темы поучения (“возвещай милости к тебе богия”) Пушкин изображает силу слова, дар убеждения в борьбе с обманом во имя правды. Религиозная символика превращается в прозрачное аллегорическое покрывало, за которым ясен подлинный смысл. Введенные Пушкиным новые мотивы, не имеющие соответствия в Коране, отвечают событиям его личной и творческой жизни» [Томашевский 1961: 22].

Далее Б.В. Томашевский сопоставляет четвертое «Подражание» с сурой «Крава». В своем стихотворении Пушкин устраняет упоминание об Аврааме и ставит царя Нимврода в непосредственное состязание с Богом. Также Пушкин вводит отсутствующие в Коране оценочные эпитеты царя и заменяет спокойно-эпический тон гневно-изобличительным.

По мнению Б.В. Томашевского, девятое «Подражание» совсем иного типа. Здесь из краткого изложения Корана Пушкин создал законченную, развитую картину. Для этого он воспользовался отрывком из суры «Крава». Пушкин отходит от оригинала, «придавая подражанию форму восточной баллады». Он отбрасывает аллегорическую часть оригинала о воскрешении путника: «Здесь появились описания пальмы и источника, фантастика была лишена религиозно-догматического истолкования, а все развитие сюжета подчинено было мотиву возрождения, смены усталости и ропота бодростью и силой, на что нет даже намека в тексте Корана» [Томашевский 1961: 23].

И совершенно отлично от остальных, по мнению Б.В. Томашевского, пятое «Подражание»: «В Коране нет такого места, которое бы соответствовало содержанию всего этого подражания в целом. Здесь собраны воедино темы разных отрывков из Корана. А так как одни и те же вещи в Коране постоянно повторяются, то трудно указать точно именно те места, которые положены в основу данного подражания» [Томашевский 1961: 23-24].

В итоге своих наблюдений Б.В. Томашевский приходит к выводу о свободном обращении Пушкина с оригиналом и о том, что вследствие этого те, кто ждал от «Подражаний» точности передачи подлинника, не могли признать достоинства этого цикла: «Итак, если критерием достоинства данных «Подражаний» считать точность передачи подлинника, то «Подражания Корану» придется назвать одним из самых неудачных произведений Пушкина» [Томашевский 1961: 25]. Наиболее важным в рассуждениях Б.В. Томашевского представляется следующее: «Работа над текстом ‘Подражаний’ состояла не в том, чтобы найти более точную и более близкую передачу мысли и образа подлинника. Наоборот, отделявая свои стихи, Пушкин удалялся от текста Корана, пренебрегая иной раз и точным значением и общим духом выбранных мест. Самый выбор тем для подражаний уже свидетельствует о том, что Пушкин вовсе не собирался давать в своих подражаниях общее представление о памятнике. Подражания Пушкина не дают представления о содержании этого религиозно-юридического кодекса мусульман. Пушкин выбирает места, вовсе

не типичные для Корана. И в пределах отобранного он кое-что прибавляет, кое-что отбрасывает. В обработке подражаний Пушкин не считается с фразеологией Корана» [Томашевский 1961: 38]. По мысли исследователя «Подражания Корану» - глубоко лирический феномен в творческой биографии Пушкина: «Цикл этот, конечно, следует рассматривать не как попытку объективного отражения нравов и культуры мусульманских народностей, а как лирический цикл, отражающий собственные настроения и переживания поэта» [Томашевский 1961: 42].

Иное понимание «Подражаний» предлагает С.А. Фомичев. Он так же говорит о свободном обращении Пушкина с текстом первоисточника, однако утверждает, что эта свобода ограничилась лишь совмещением стихов из различных сур. По мнению исследователя, Пушкин не привнес в свои произведения собственных, не имеющих отношения к Корану тем и мотивов.

С.А. Фомичев обращает особое внимание и на то, что сам процесс работы над стихотворениями, вошедшими в цикл, отличался определенной динамикой. Поначалу поэт «по инерции романтического этапа...совершенно пренебрегает “духом” Корана, перерабатывая его мотивы в привычном элегическом ключе» [Фомичев 1981: 30]. Но вскоре подобные интерпретации перестают удовлетворять его, и Пушкин, пытаясь понять проблематику Корана, обращается к форме притчи. В это время создается восьмое «Подражание» «Торгуя совестью пред бледной нищетой...»: «По своей поэтической форме это стихотворение разительно отличается от созданных ранее “Подражаний”, что очевидно при сопоставлении с духовной одой “С тобою древле, о всесильный...”, сюжет которой восходит к той же суре “Крава”. Если месяц назад, преобразовав повествовательную интонацию оригинала, Пушкин добивается напряженного, патетического лиризма, то теперь он прибегает к учительской, назидательной тональности, характерной для поздних, мединских сур» [Фомичев 1981: 32-33]. Затем Пушкин пишет самое оригинальное и далеко отошедшее от оригинала девятое «Подражание» «И путник усталый на бога роптал...». Он сильно меняет форму взятых за основу стихов из суры

«Крава», создавая стихотворение-притчу, воссоздающее мир восточной сказки. При этом коранический мотив воскрешения не исчезает полностью, но заменяется мотивом чудесного сна, более близким сказке. В то же время не соответствующая духу сказки эсхатологическая проблематика обогатила образный строй стихотворения «Недаром вы приснились мне...». По мнению С.А. Фомичева, это, шестое «Подражание», уже полностью соответствует «воинственному духу Корана» с его идеей небесного блаженства правоверных, подкрепленного описанием земного воздаяния живым [Фомичев 1981: 34].

Затем в работе наступает пауза. С.А. Фомичев полагает, что она вызвана не только работой над другими произведениями, но и тем, что цикл не выстраивался: ранние и более поздние стихотворения оказывались разнородными стилистически. Начинается этап переработки некоторых из ранее написанных стихов с целью стилевой унификации цикла в целом. Затем создается VII «Подражание» - «Восстань, боязливый...», тонально и ритмически подготовившее переход к двум последним «Подражаниям». И, наконец, Пушкин пишет стихотворение «Клянусь четой и нечетой...» (I «Подражание»), в котором соединяются все темы цикла и которое, по мысли Фомичева, развилось из одного замысла с VII «Подражанием» - из наброска, написанного в самом начале третьего периода. Именно оно теперь открывает цикл. Далее идет работа над созданием седьмого «Подражания»: «Резкое, обнаженное изменение и тональности (сосредоточенное в себе раздумье), и ритмики цикла создавало смелый переход к стихотворениям “Торгуя совестью пред бледной нищетой...”, “И путник усталый на бога роптал...” » [Фомичев 1981: 37]. Таким образом, оформляется завершение цикла. После этого Пушкин возвращается к работе над началом и редактирует первое «Подражание», играющее роль своеобразной увертюры всего цикла: «Основные темы его намечаются уже в первом “клятвенном” четверостишии. Отталкиваясь от первого стиха избранной для подражания суры 93-й “Клянуся лучезарностью солнечного восхода и темнотою ночи, что господь твой не оставил тебя” (Книга Аль-Коран, с. 368), Пушкин насыщает четверостишие

другими клятвами. На первый взгляд причудливо неожиданные, они соразмерены с главными темами цикла» [Фомичев 1981: 37]. Постепенно выстраивается и некий внутренний сюжет, связанный с жизнеописанием Магомета:

1. «Клянусь четой и нечетой...» — бегство Магомета из Мекки в Медину (хиджра), 622 г.

2. «О, жены чистые пророка...» — женитьба на Зейнаб, 627 г.

3. «Смутясь, нахмурился пророк...» — до изгнания из Мекки, т. е. до 622 г.

6. «Недаром вы приснились мне...» — возвращение в Мекку, 630 г. (пророческий сон — двумя годами ранее, в 628 г.).

7. «Восстань, боязливый...» — вскоре после первого видения в пещере на горе Тор («избранничества»), т. е. после 609 г.

При этом С.А. Фомичев предостерегает от излишнего буквализма в восприятии данной логики: «Говоря об “агиографичности” содержания цикла, мы постоянно должны иметь в виду ее лирическую интерпретацию. Отталкиваясь от события, поэт создает его обобщенно-лирический образ. <...> Обогащенный “агиографической” темой, цикл “Подражания Корану” приобрел лиро-эпический характер. Особо подчеркнуты в его “сюжете” два события: изгнание Магомета в Медину и его возвращение в Мекку. Вместе с тем это не просто событийный ряд, но и своеобразная лирическая тема» [Фомичев 1981: 39 - 42].

Таким образом, по мысли С.А. Фомичева, в процессе работы над циклом Пушкин прошел сложный путь от вольного условно-романтического типа лиризма к лиризму, глубоко проникнутому духом восточной культуры и поэтической традиции. Не создавая копии коранических сур, поэт, тем не менее, искал способы художественного воплощения целостного мировосприятия, окрашенного колоритом другой культуры.

Так от вопроса о степени близости пушкинских «Подражаний» первоисточникам мы переходим к вопросу об их интерпретации. И здесь наблюдается заметное расхождение во мнениях.

Обстоятельный обзор основных подходов к интерпретации «Подражаний Корану» мы находим в исследовании Б. В. Томашевского. Он выделил две основные линии, различия между которыми обусловлены тем, какое начало, субъективное или объективное, доминирует в пушкинском цикле.

Первая линия была заявлена еще в работах Н.Н. Страхова, полагавшего, что главной задачей «Подражаний» было объективное отражение своеобразных поэтических черт Корана: «Известно, как обычно делаются подражания *восточному*; европеец берет кой-какие чужие краски и даже мысли, но располагает и развивает их по-своему, по- европейски. Пушкин же, со своею невероятною гибкостью, старался уловить весь склад Корана, весь беспорядок, всю быстроту и силу переходов, и даже то, что он в другом месте называет *какою-то восточною бессмыслицею, имеющею свое поэтическое достоинство*» [Страхов 1897: 48].

Противоположное мнение о «Подражаниях Корану» высказал П.В. Анненков в книге «Пушкин в Александровскую эпоху». Он утверждал, что этот цикл выражал сугубо личные настроения Пушкина: «Алкоран служил Пушкину только знаменем, под которым он проводил свое собственное религиозное чувство. Оставляя в стороне законодательную часть мусульманского кодекса, Пушкин употребил в дело только символику его и религиозный пафос Востока, отвечавший тем родникам чувства и мысли, которые существовали в самой душе нашего поэта, тем еще не тронутым религиозным струнам его собственного сердца и его поэзии, которые могли теперь впервые свободно и безбоязненно зазвучать под прикрытием смутного (для русской публики) имени Магомета. Это видно даже по своеобразным прибавкам, которые в этих весьма свободных стихотворениях нисколько не вызваны подлинником» [Анненков 1998: 167].

В литературоведении предпринимались попытки истолковать «Подражания Корану» как художественное выражение религиозных взглядов поэта: «Как это ни странно, Коран дал первый толчок к религиозному возрождению Пушкина и имел поэтому громадное значение в его внутренней жизни» [Черняев 1898: 51]. Как объективно-религиозное произведение трактовал «Подражания» и Д.Н. Овсяннико-Куликовский, заявлявший: «Лирическая интуиция Пушкина с особенной яркостью проявилась в “Подражаниях Корану”, где звучат специфические мелодии арабского религиозного лиризма, которые чуткое ухо Пушкина уловило во французском переводе священной книги мусульман» [Овсяннико-Куликовский, 1912: 197].

С такой трактовкой решительно расходился Б.В. Томашевский: «Характерным является отсутствие в избранных текстах многих религиозных мотивов, находящихся в тексте Корана, особенно мотивов догматического порядка. Иногда от подобных тем Пушкин освобождался уже при обработке подражаний <...> Подобные отклонения от текста Корана (а это не единственный случай) опровергают мнение, будто предметом «Подражаний» было религиозное содержание Корана. Еще менее оправдано предположение, что здесь отразилось хотя бы подсознательное тяготение к религиозным настроениям. Ведь Пушкин был сослан в Михайловское за атеистическое письмо. Это новое изгнание могло вызвать в нем только сопротивление гонению» [Томашевский 1961: 39].

Г.А. Гуковский, отрицая сугубо религиозный смысл пушкинского цикла, тем не менее считал, что главные усилия Пушкин сосредоточил на постижении специфики мировосприятия с точки зрения чужого сознания, принадлежащего человеку другой культуры: «“Подражания Корану” — это уже реалистическое воссоздание восточной культуры... Пушкин показывает, а не намекает, и показывает не только психику, а быт, самую жизнь, самые условия этой жизни. Субъективное начало подчиняется объективному, не растворяясь в нем» [Гуковский 1965: 241]. Еще более конкретно рассуждает Н.М. Лобикова, утверждающая, что циклообразующим в «Подражаниях» является образ

Мухаммеда: «Пушкин не только обрисовал в «Подражаниях» образ Мухаммеда – поэта и пророка, не только воплотил специфические особенности самого памятника, но и воссоздал почву, на которой этот памятник возник. В “Подражаниях” в общих чертах рисуются климат Аравии, образ правления, жизнь ее обитателей, их религия – все, что определяло своеобразие их психического облика» [Лобикова 1974: 73]. В такой трактовке цикл воспринимается как лиро-эпический, а не чисто лирический.

Между тем К.С. Кашталева полагает, что внимание Пушкина сосредоточено на образной ткани Корана, его поэтической природе: «И философия Корана, и историческая физиономия народа, его создавшего, переданы так хорошо не потому, что это было задачей “Подражаний”, а потому, что и философия, и быт Корана выражены в его поэтических образах и, передавая самые яркие его образы, Пушкин невольно и закономерно передал самое интересное из его содержания. Но поэт оставался поэтом. Привлечь и возбудить его творчество могла только поэзия» [Кашталева 1930: 268].

Наконец, Б.В. Томашевский решительно возражает своим оппонентам: «И цикл этот, конечно, следует рассматривать не как попытку объективного отражения нравов и культуры мусульманских народностей, а как лирический цикл, отражающий собственные настроения и переживания поэта [Томашевский 1961: 42]. По мысли исследователя, в ходе работы над циклом поэт решал вопросы, связанные с его собственной творческой эволюцией: Пушкин стремился к преодолению романтических установок: «В “Подражаниях Корану” в прозрачной форме изображается новый — оптимистический — идеал поэтического творчества, ставятся новые задачи перед поэтом. В этих подражаниях отразилась вера в силу поэтического слова, в необходимость отрешиться от романтической замкнутости. Особенно подчеркнута тема поэтической проповеди и уверенность в конечной победе истин, провозглашенных поэтом» [Томашевский 1961: 45].

Близка Б.В. Томашевскому позиция Н.В. Фридмана, воспринимающего цикл как автобиографическое явление. По его мнению, «Подражания» - пример

героической лирики, художественно выразившей волевые черты индивидуальности Пушкина: «Трудно сказать, произошло ли автобиографическое осмысление образа пророка в ходе работы Пушкина над Кораном, или поэт только после сочинения “Подражаний” стал проводить параллели между собственной судьбой и жизнью основателя ислама. Но, независимо от творческой преднамеренности этих сближений и степени их серьезности, Пушкин имел неоспоримое право ассоциировать свой лирический облик с образом пророка» [Фридман 1946: 90]».

Наконец, дискутируется и вопрос об особенностях поэтической формы стихотворений, вошедших в пушкинский цикл. По мнению Б.В. Томашевского, большинство их близко традиции русской духовной оды, популярной в XVIII веке: «Хорошо известно, что жанр “духовных од”, несмотря на свою религиозную оболочку, вовсе не замыкался в узкой сфере религиозных размышлений. Это был жанр, широкий по охвату тем и лирических настроений. В какой-то степени этот жанр в эпоху господства оды в лирической поэзии является предшественником того рода стихотворений, которые в эпоху господства элегий отошли в область так называемых «медитативных элегий». Особенно псалмы давали материал для развития тем, по существу, никак не связанных с религиозными догматами» [Томашевский 1961: 29] - то есть Томашевский подчеркивает, что, несмотря на близость жанру «духовной оды», «Подражания» не имеют религиозного характера. Только последнее «Подражание» отходит от традиций этого жанра и приближается как по своему строю, так и по сюжетному построению к балладам.

С.А. Фомичев соглашается с Томашевским лишь отчасти: «К генетически первым трем пушкинским “Подражаниям” наиболее применима характеристика Б.В. Томашевского “духовных од”, традиции которых Пушкин в данном случае использовал» [Фомичев 1981: 30]. Однако в других стихотворениях исследователь видит черты таких форм, как притча, сказка, элегия. С.А. Фомичев утверждает, что в процессе складывания цикла

пушкинский замысел постоянно обогащался, в зависимости от того, какое начало доминировало на разных этапах работы - лирико-патетическое, назидательно-проповедническое и «агиографическое»: «Естественно, что эти начала взаимопроникают благодаря постоянному сопоставлению отдельных стихотворений, на каждое из которых падает ответ других и всего целого; но в то же время трем основным доминантам соответствуют три равные части цикла (по три стихотворения в каждой из них): от “рассказа” о жизни Магомета — через хвалу могуществу высших сил (кульминация в пятом, центральном стихотворении) — цикл движется к обобщенно-проповедническому финалу. При этом ослабление к концу цикла “агиографического рассказа” (который пропадает в 4—5-м и 8—9-м “Подражаниях”) ведет к усилению нравственной проповеди, все более и более отчетливо принимающей форму притчи (4-е, 8-е и 9-е “Подражания”). Тем самым легендарная судьба Магомета приобретает притчевую окраску: в этой судьбе просматривается судьба человека вообще, спасающегося от невзгод, сомнений и гонений на “стезе правды”, обретающего силы в служении истине» [Фомичев 1981: 44-45].

В итоге нашего аналитического обзора научной литературы, посвященной исследованию пушкинских «Подражаний Корану», мы пришли к выводу о недостаточной изученности данного произведения, доказательством чему служит дискуссионность целого ряда вопросов, обозначенных нами выше. Отсюда – **актуальность** нашего исследования, обусловленная необходимостью специального анализа поэтики цикла.

Элемент **научной новизны** заключается в том, что мы впервые предпринимаем попытку системного анализа поэтического стиля «Подражаний Корану» в аспекте его взаимосвязей с традициями восточной поэзии.

Объект нашего исследования – стихотворения А.С. Пушкина, вошедшие в цикл «Подражания Корану», **предмет** исследования – их стилевое своеобразие в свете взаимосвязи с традицией восточной поэтики.

Мы ставим перед собой **цель:** выявить существенные особенности стиля «Подражаний Корану», позволяющие углубить понимание авторского замысла.

Для достижения данной цели нам необходимо решить следующие **задачи:**

1. Охарактеризовать основные особенности функционирования восточной поэтической традиции в контексте русской культуры рубежа XVIII-XIX веков;

2. Выявить существенные особенности преломления восточной поэтической традиции в творческом сознании А.С. Пушкина на примере анализа стихотворений из цикла «Подражания Корану».

В своей работе мы опираемся на сравнительно исторический **метод** литературоведческого исследования. **Методологическую базу** исследования составляют труды ведущих отечественных пушкиноведов (Б.В. Томашевского, Д.Д. Благого, Г.А. Гуковского, С.А. Фомичева и др.)

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов в процессе изучения творчества А.С. Пушкина в средней школе.

ГЛАВА 1. ВОСТОЧНАЯ ПОЭЗИЯ И КОРАН В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА РУБЕЖА XVIII-XIX ВЕКОВ

1.1. ВОСТОЧНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Рождение новой русской литературы, как правило, связывают со сложными историческими, социальными процессами, которые Россия переживала на протяжении XVII - начала XVIII веков. В результате крупных изменений отечественная культура секуляризируется, обретает светский характер. В полной мере относится это и к литературе. В значительной мере процесс формирования новой русской литературы был ориентирован на освоение современных достижений западной, прежде всего, классицистической, чуть позже – сентименталистской поэтической традиции. Это влияние сохраняется и в начале XIX века, когда русская поэзия, вслед за европейской, развивается в русле романтизма.

Однако, при всем увлечении Европой, в XVIII веке начинается и сознательное освоение русскими литературной традиции мусульманского Востока. Данный процесс столь же закономерен, как и стремление освоить западно-европейскую эстетику, и не в меньшей мере обусловлен социально-историческими обстоятельствами. Исследователи (Н. Чалисова и А. Смирнова, Г.З. Пумпян) объясняют «государственный интерес к магометанской вере» сразу несколькими обстоятельствами: 1) геополитическое положение России и ее национальный (поликонфессиональный) состав; 2) активная восточная политика, осуществление важнейших военных и дипломатических акций на ближневосточном направлении (присоединение Крыма, война с Турцией); 3)

включенность России в европейские культурные процессы эпохи Просвещения и общеевропейская тогда мода на ориентализм [Чалисова, Смирнова 2000: 248; Пумпян 2011: 6-7].

Характерно, что русские писатели, прежде всего, обратили внимание на художественное своеобразие восточной литературы. Она привлекала экзотичностью, художественной затейливостью. И арабская и персидская поэзия славятся своей изящностью и обилием выразительных средств – по своему строю, стилю и по жанрам они сильно отличаются от западноевропейских представлений о канонах поэзии. Это и притягивало, и отталкивало западных поэтов. Следствием, как отмечает С.И. Николаев, становится то, что многие переводы с восточного поэтического стиля на западный, предложенные XVIII веком, роднит реализующаяся в них стилистическая установка на переложение *«смысла и истины», передачу тем и идей оригинала «по своему образу и покрою»*, с ориентацией на стилистические традиции родной литературы и с почти полным невниманием к стилистическим характеристикам переводимого текста [Николаев 1986: 109-122]. Чрезмерная яркость и напыщенность восточной поэзии смущала европейских авторов, что было вызвано различным пониманием сути поэзии в европейской и арабской культурах.

В Россию Восток попадал в основном через Запад. Характерный пример - начальный этап ознакомления России второй половины XVIII — начала XIX вв. с китайской литературой. Оно осуществлялось, главным образом, через языки-посредники — французский, немецкий, английский, маньчжурский — поскольку в Китае тогда царствовала Цинская, т.е. маньчжурская династия) [Рифтин 2004: 12-32]. Английский язык выполнил роль посредника и в процессе работы Н.М. Карамзина над переводом первого и четвертого действий санскритской пьесы Калидасы «Узнанная (по кольцу) Шакунтала». Перевод этот, озаглавленный «Сцены из Саконталы, Индейской драмы», был опубликован в 1792 г. в майском и июньском номерах «Московского журнала» [Гринцер 2004: 33-60].

Особую популярность тема Востока получила в начале XIX века, в период становления и расцвета русского романтизма. По мнению Л.С. Каганович, одной из причин такой популярности была «центробежность» эстетики романтизма, «ее интерес к культуре не только собственно национальной или античной, как это было в классицизме, но и к духовному наследию и к образу жизни самых разных, в том числе восточных народов» [Каганович 1984: 14].

В числе причин, определивших устойчивый интерес русской литературы к культуре Востока, называется и эстетическая привлекательность Корана. Не случайно многие русские авторы обращались к священной книге мусульман как источнику поэтического вдохновения. Назовем хотя бы «Подражания Корану» А.С. Пушкина, «Из Корана» М.Л. Михайлова, «Подражания Корану» А.Г. Ротчева, «Из Ал-Корана» Л.Я. Якубовича и др.

Но главная причина, по мнению некоторых исследователей, заключалась в особом типологическом сходстве восточного и европейского романтизма. Так, Г. Ломидзе полагает, что в восточной литературе романтизм составляет «национальную стилевую традицию, и она выбивается на поверхность не в определенные, наиболее благотворные для возникновения романтических тенденций времена, но неизменно сопутствует литературному развитию» [Ломидзе 1969: 419].

Для романтиков восточная поэзия оказывалась особенно притягательной в силу интуитивно ощущавшейся ими внутренней близости мироощущения, художественно в ней выраженного. Так, один из лидеров русской романтической литературной критики, О. Сомов, в своей программной статье, заявляет: «Первый народ, имевший поэзию романтическую, были неоспоримо арабы, или мавры» [Сомов 1983: 160]. Восток мыслится в качестве своеобразной «прародины» романтизма, а потому сложившаяся там художественная система во многом определила особенности содержания и формы романтической поэзии в целом.

Однако процесс этот в России долгое время был отмечен все той же «вторичностью». По мнению Н. Чалисовой и А. Смирновой, «поэтика романтизма служила еще одним фильтром, пропускавшим через себя лишь тот Восток, который удовлетворял вкус и радовал взор европейца. <...> Наряду с проникновением *восточных мотивов, переодетых в «западное романтическое платье»*, в оригинальную поэзию (Т. Мур – В. Жуковский, Парни – Батюшков, Байрон – Пушкин), важным каналом, по которому “розы и соловьи” попадали в российскую литературу, оставались в первой половине XIX века переводы восточного “с западного”» [Чалисова, Смирнова 2000: 265] («вторичные» переводы с французского и немецкого). Был, однако, канал, по которому в русскую культуру проникали переводы непосредственно с восточных языков – труды русских филологов-ориенталистов. Но большинство филологических переводов в России осуществлялись в отрыве от поэтической традиции; лишь к 20-30 годам XIX века интерес к Востоку достиг такой степени, что переводы «филологического» направления с арабского и персидского начали публиковаться время от времени в журналах для широкой публики.

Именно по этой причине при общей заинтересованности экзотикой Востока, русские поэты, по примеру Запада, не воспринимали всю специфику восточной поэзии. Как отмечают Н. Чалисова и А. Смирнова, «в ситуации поэтической встречи “европейской” России с азиатским Востоком на общем фоне восхищения перлами экзотической фантазии и “усилий вживания” в порожденные ею памятники слова очерчивается и область неадекватного понимания. <...> Русская поэзия, отведав с блюда поэзии Востока, ощутила нестерпимо пряный вкус приправ диковинных метафор и уподоблений, почти совсем не разбавленных “едой” поэтического нарратива» [Чалисова, Смирнова 2000: 247]. Рассуждая об основах русских стихов в «восточном стиле», исследовательницы показывают, как «в единое семантическое поле литературного Востока помещаются наряду с джинами Шехерезады, мудрыми дервишами Саади и любовно-винными песнями Гафиза, гордыми бедуинами и внушающим конфессиональный ужас лжепророком Мухаммедом, сюжеты

хорошо знакомых библейских сказаний. Все это, переплетаясь, находит выражение в восточном стиле русских романтиков. <...> В поэзии русского романтизма начинается стилистическая работа с восточными мотивами в отечественной литературной традиции, получившая название “восточный стиль”» [Чалисова, Смирнова 2000: 258]. Но что именно представлял собой «восточный слог», что он почерпнул из настоящей восточной поэзии? По мнению Вяч. Вс. Иванова, он предполагал «прежде всего, уподобления и метафоры, изысканную образность, отчасти имитировавшую арабскую и персидскую» [Иванов 1985: 465-466]. Н. Чалисова и А. Смирнова делают важное дополнение, что в произведениях «восточного стиля» «соединялись метафорические образы в лирике русских романтиков вовсе не в том “курчавом беспорядке”, который виделся у восточных поэтов, а подчиняясь нормам развертывания лирического сюжета, установившимся в русской традиции» [Чалисова, Смирнова 2000: 260]. Однако освоение художественных средств Востока открыло новые эстетические горизонты для русской поэзии, на что считает необходимым указать Н.И. Никулин: «Эстетическое обогащение русской литературы через обращение к восточным художественным традициям и изображение жизни Востока стало примечательной чертой литературной эпохи» [Никулин 2004: 3].

Как мы уже упоминали выше, увлечение Востоком было практически всеобщим, поэтому многие поэты и первого, и второго планов так или иначе использовали восточные мотивы в своем творчестве. По степени влияния на русскую поэзию восточную литературу можно сравнить с античной – с началом увлечения Востоком «заканчивается монополия античной литературы как единственного образца для подражания» [Никулин 2004: 5].

Как отмечает Никулин, при знакомстве с поэзией Востока Европа, и вместе с ней Россия, сделала очень важное открытие – открытие всемирного масштаба художественной словесности. Осмысливая представления о мировой литературе, Гете писал по поводу «Западно-восточного дивана»: «Мое намерение состоит в том, чтобы радостно связать Запад и Восток, прошлое с

современным и постигнуть их нравы и образ мышления в их взаимосвязанности, понять одного с помощью другого» [цит. по: Кессель 1973: 29]. Это было важнейшей и определяющей закономерностью осознания единства мировой литературы. Понимание всемирности, единства литературы стало прорывом, и особенно это ощутила русская литература: «Именно вместе с эпохой осознания понятия всемирной литературы русская литература становится мировым явлением, выходит далеко за национальные пределы, она превращается в художественный и нравственный фактор мирового значения» [Никулин 2004: 5].

Таким образом, познание Востока и его культуры расширило горизонты восприятия и осознания мира и мировой литературы в частности, восточная поэзия обогатила художественные методы и тематику в литературе и подарила новый опыт восприятия литературы яркой, затейливой, пышной и изящной, не имеющей аналогов ни в одной европейской культуре. Впереди был следующий этап – изучение и художественное освоение подлинной восточной поэтической традиции, огромную роль в котором сыграл А.С. Пушкин – создатель цикла «Подражания Корану».

1.2. КОРАН В РОССИИ XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Первые сведения о Коране появились в России еще в XI веке, однако, по замечанию З.А. Намитоковой и И.Ю. Крачковского, они не были ни достаточно полными, ни достоверными и не давали адекватного представления о вероучении мусульман, т. к., в основном, черпались из греческих богословских

трактатов, полемизирующих с исламом по достаточно ограниченному кругу вопросов [Намиотокова 2004: 61; Крачковский 1985: 21].

Такая ситуация сохранялась вплоть до XVI века, политические интересы России, обусловленные сложными отношениями с Османской Портой и граничащими с ней арабскими странами, вызвали всплеск интереса к исламу. К этому времени начинает появляться российская литература о Востоке. В основном в этих работах ислам рассматривается как вера народов, «хулящих веру христианскую», либо высмеивается бытовая и обрядовая сторона жизни мусульман [Крачковский 1985: 21].

К середине XVI века за исламом признается право на равноправное существование среди других монотеистических религий мира – например, в произведениях Ивана Пересветова, Федора Косого.

Однако полного, достоверного знания ислама в России не было вплоть до XVII-XVIII веков, когда отправляются первые русские экспедиции на Восток (в Сирию, Алжир, Египет, Палестину). Тогда непосредственное знакомство с культурой Востока, наблюдение за живым воплощением религиозных догм ислама и изложение своих впечатлений, по замечанию З.А. Намиотовой, «помогали освободиться и самим авторам записок, и их соотечественникам от обычных для того времени фантастических искажений норм мусульманского законодательства, позволяли не только познакомиться с ними, но и определить их рациональность и ценность более объективно» [Намиотокова 2004: 62].

Также в XVII веке русский читатель знакомится с переводами с латинского и польского языков заметок европейских путешественников, посетивших Святую Землю, а также с трудами европейцев об исламе. Как замечает З.А. Намиотокова, «при всей случайности и разнородности, а часто и фантастической информации о Коране и Мухаммаде, проникающих в Московскую Русь в самый ранний период, можно заметить, что общей их чертой было не столько насаждение просвещенного знания о дотоле

неизвестной религии и ее пророке, сколько полемика с противохристианскими взглядами» [Намитокова 2004: 63].

Таким образом, об исламе в России узнали задолго до того, как познакомились со Священной книгой мусульман – Кораном. Первый перевод Корана появился при Петре I в 1716 году. Перевод был «двойной»: на русский язык был переведен французский текст Андре Дю Рие. Естественно, при «двойном калькировании», к тому же с не самого удачного французского источника (по свидетельству И.Ю. Крачковского), первый русский перевод имел много неточностей и отступлений от оригинального текста. Перевод вышел без указания автора, под названием «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий» (СПб, 1716). Авторство приписывалось и советнику Петра I Дмитрию Кантемиру, и Петру Постнику, видному деятелю культуры эпохи Петра. Однако оба предполагаемых переводчика представили в конце XVII–начале XVIII века работы о Коране («Религия и государственный строй Турецкой империи Кантемира и неизданный перевод Корана со второго издания ДюРие Постникова»), где их авторство сомнению не подлежит, а потому вопрос о принадлежности перевода «Алкорана о Магомете, или Закона турецкого» одному из них остается непроясненным.

Как мы уже упомянули, французский перевод Дю Рие нельзя считать достаточно точным, неясные места из него перешли также и в русский перевод. Однако в 1783 году появился новый, более совершенный, французский перевод К.Э. Савари, к которому автор добавил жизнеописание пророка Мухаммеда, о чем важно упомянуть для цели нашего исследования.

Следующим, в 1788 году, в России был издан Коран на арабском языке – по указу Екатерины II, в целях распространения его среди мусульман России. Это издание, благодаря великолепному оформлению и шрифту, было известно также и в Европе. В этот же период было сделано еще два перевода Корана на русский язык. Первый – перевод М.И. Веревкина (1790 год). Большинство исследователей сходятся во мнении, что именно на него опирался А.С. Пушкин при создании цикла «Подражания Корану». Перевод Веревкина, так же, как

первый русский перевод Корана, сделан с французского текста Андре Дю Рие, однако он имеет свою особенность: Веревкин использовал церковно-славянский стиль. А в 1792 г. на русском языке появился перевод Корана, выполненный поэтом Алексеем Колмаковым, на основе английского текста Дж. Сейла.

Интерес к Корану поддерживался и благодаря публикациям в различных популярных периодических изданиях. Упоминания о них находим у З.А. Намитоковой: «Росту и расширению осведомленности о нем [Коране] помогали материалы, печатавшиеся в журналах «Зеркало поучения», «Библиотека учения...», которые способствовали расширению осведомленности о нем, хотя далеко не всегда основывались на первоисточниках» [Намитокова 2004: 65]. Исследовательница замечает: «Для качественно иного знакомства с культурой Арабского Востока, в том числе и с Кораном в переводах с подлинника, требовалось, прежде всего, создание серьезной лингвистической базы, которая в то время в России отсутствовала, но необходимость которой осознавалась всеми, кто посвятил себя выполнению задачи всестороннего изучения знаний о Востоке. <...> Однако новый этап в переводах Корана с языка арабского наступил лишь в XIX в., когда изучение восточных языков, в частности народов стран мусульманского Востока, стало входить в программы образования ведущих российских университетов, то есть, когда в России было положено начало созданию крупнейшей в Европе востоковедной школы, занявшей в научном мире достойное место рядом с французской и немецкой» [Намитокова 2004: 65-66]. В XVIII веке восточные языки изучались лишь энтузиастами-востоковедами, путешественниками и исследователями, – для общения с местным населением стран Востока. Поэтому изучение арабского и персидского языков не могло получить такого распространения, как в XIX веке.

Последующие переводы Корана на русский язык были сделаны лишь во второй половине XIX века. Первый перевод с оригинала был сделан в 60-е годы вольнослушателем факультета Восточных языков, офицером Д.Н.

Богуславским. Однако этот перевод не был признан точным и удачным, и не был издан при жизни автора. В 1878 году был сделан другой перевод с арабского, востоковедом и исламоведом Г.С. Саблуковым – и на протяжении XIX-XX вв. этот перевод оставался единственным изданным в России переводом Корана, выполненным с языка оригинала.

Как видим, за XVIII-XIX вв. Россия прошла большой путь в освоении Корана. На протяжении этих двух веков интерес к восточной культуре и исламу в частности неизменно рос. Как следствие с этим связано и появление факультета Восточных языков, и все более частые поездки и экспедиции российских исследователей в страны Востока – и, соответственно, издание путевых записок, дневников, трудов, основанных на впечатлениях от посещения арабских земель. Также на протяжении XVIII-XIX веков произошло переосмысление роли пророка Мухаммеда. Говоря о переводах Веревкина и Колмакова, важно учитывать такую их особенность как односторонний, часто субъективный, взгляд на фигуру пророка Мухаммеда как лжепророка. По свидетельству Н.А. Добролюбова, в исторической литературе начала XIX века фигура пророка получает неправильное освещение: «Вот, например, хоть бы Магомет, как он рисуется в наших историях? Во-первых - как обманщик, ни с того ни с сего вдруг сочинивший новую веру и морочивший людей ложными чудесами; во-вторых - как завоеватель, внезапно принеший, неизвестно из каких тайных источников, новые силы народу слабому и ленивому и мгновенно превративший мирных пастухов в хищных завоевателей. Почтенным историкам не представляется ни малейшей надобности подумать серьезно, как же это, однако, - обманщик мог увлечь столько миллионов людей и не быть уличенным в обмане?» [Добролюбов 1986: 410]. Однако, в 1857 году издается ключевое в плане оценки Мухаммеда произведение Вашингтона Ирвинга – биография пророка Мухаммада, в переводе П. Киреевского. Подробно останавливаясь на обстоятельствах жизни Мухаммада, его деятельности, умственных и нравственных качествах, Ирвинг, как это отмечает Добролюбов, показал Мухаммада во всех сложных обстоятельствах

осуществления им своего призвания как приверженца новой религии, основанной на принципах монотеизма, а также дал характеристику Корана как книги откровений, отметив высоту ее языка и неопровержимость доводов. Таким образом, только во второй половине XIX века появляется возможность более-менее объективно, и по крайней мере более полно оценить фигуру пророка Мухаммеда.

Таким образом, к началу работы над своим циклом Пушкин располагал значительным корпусом материалов. Какие из них были востребованы автором «Подражаний Корану» - предмет наших дальнейших размышлений.

ГЛАВА 2. ВОСТОЧНОЕ СОЗНАНИЕ И ФОРМЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В «ПОДРАЖАНИЯХ КОРАНУ»

2.1. «ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ»: ИСТОЧНИКИ И ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ

В литературоведении вопрос об источниках, на которые мог опираться в своей работе А.С. Пушкин, решается неоднозначно.

Одна группа исследователей (К.С. Кашталева, Б.В. Томашевский и др.) считает, что Пушкин при работе над циклом использовал только «двойной» перевод с французского М. Верекина 1790 года «Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков божиих» [Верекин 1790]. Так, К.С. Кашталева, на основании параллельного сопоставления произведений Пушкина и перевода Корана, сделанного Верекиным, обратила внимание на сходство в их образности и стилистике [Кашталева, 1929, 243-270]. Ее позицию поддержал Б.В. Томашевский, хотя, по мнению исследователя, Пушкин весьма свободно обращался с текстом Верекина [Томашевский 1961: 19-20]. Как помним, Верекин перевел Коран библейским церковнославянским стилем, что предопределило художественное восприятие Корана как книги, стилистически близкой пророческим книгам Ветхого завета. И, естественно, такие стилистические особенности перевода должны были повлиять на цикл Пушкина.

С.А. Фомичев, согласившись с тем, что Пушкин использовал перевод Верекина, в то же время поставил вопрос и о другом источнике – французском переводе К.-Э. Савари «Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés»

[Савари 1786] с прилагающимся жизнеописанием Магомета: «Последние стихотворения цикла неопровержимо свидетельствуют, что к концу октября 1824 г. Пушкин имел перед глазами французский перевод Корана, выполненный М. Савари» [Фомичев 1981: 34]. С точки зрения исследователя, в виду того, что у Пушкина появился французский перевод Корана, он также смог ознакомиться с примечаниями к нему, и, что самое важное, с достаточно подробным жизнеописанием Магомета, предпосланным переводу Савари. Это сыграло немалую роль в написании цикла: по мнению С.А. Фомичева, в ряде «Подражаний» Пушкин опирается именно на жизнеописание Мухаммеда, включая мотив бегства из Мекки в Медину, или хиджры, возвращения в Мекку и пр. Об использовании другого перевода, помимо текста Веревкина, свидетельствует и тот факт, что в «Подражаниях» Пушкина отсутствует восприятие фигуры Мухаммеда как лжепророка.

Дополнительные аргументы в пользу расширения источниковедческой базы Пушкина находим в работе П.В. Алексеева: «Параллельная работа с двумя Коранами требовала от Пушкина находить общее в их философско-эстетическом содержании и выбирать стратегию создания ‘Подражаний’, основанную на некоем универсальном ключе к памятнику мусульманской культуры» [Алексеев 2013: 42].

Мы не ставим под сомнение использование Пушкиным перевода Веревкина. Однако также представляются убедительными и утверждения о знакомстве поэта с переводом Савари, так как это было необходимо для составления более полного впечатления о фигуре Мухаммеда и в целом о Священной книге.

Некоторые исследователи (П.В. Алексеев, А.А. Пичхадзе, С.А. Фомичев) предполагают, что, помимо Корана, Пушкин также обращался и к Библии. В качестве доказательства обычно цитируют письмо поэта к брату, Л.С. Пушкину, в котором он просит прислать ему «Библию, Библию! И французскую непременно» [Пушкин 1937: 123]. Исследователи обращают внимание и на близость сюжета некоторых «Подражаний» библейским.

Например, А.А. Пичхадзе говорит о том, что в I «Подражании» 2 и 3 строфа, по-видимому, вызывают ассоциации с традиционными библейскими сюжетами о Моисее (переход через Красное море, превращение горькой воды в сладкую) [Пичхадзе 1992: 16-17]. С.А. Фомичев замечает, что, работая над циклом, «Пушкин увлекся мотивами столь же мусульманского, сколь и библейского свойства.» [Фомичев 1981: 30] Б.В. Томашевский говорит о близости «Подражаний» к духовным одам: «...строфическая форма “Подражаний Корану” ближе всего напоминает традицию русских “духовных од” XVIII века, представлявших собой в основном переложения псалмов» [Томашевский 1961: 286].

Однако важно учитывать, что, во-первых, Коран заимствует некоторые мотивы и сюжеты из Библии [Пичхадзе 1992: 17]), и, во-вторых, как уже упоминалось, специфика перевода М. Веревкина, на который в основном опирался поэт, заключалась в том, что он был выполнен церковнославянским стилем, т.е. переводчик сам привнес в свой текст библейские мотивы и стилистику. Поэтому точно установить, работал ли Пушкин с текстом Библии напрямую или на него оказала влияние специфика перевода Корана Веревкиным, а также сюжетные переклички двух религиозных текстов, очень сложно. Нам кажется верным предположить, что Пушкин все же обращался к тексту Библии (о чем свидетельствует письмо к брату), т.к. интуитивно ощущал близость Священной книги мусульман и Библии, а также искал наиболее удовлетворительные средства для создания образа поэта-пророка: вдохновение, отчасти данное фигурой Мухаммеда, получило свое дальнейшее, более полное, развитие именно в контексте библейских мотивов и образов пустыни и гонения.

Также некоторые исследователи считают необходимым отметить пересечение сюжета «Подражаний» с жизнеописанием Магомета, о чем уже упоминалось выше. Например, С.А. Фомичев вступает в полемику с Б.В. Томашевским, который «следуя буквальному смыслу заглавия цикла, традиционно считает источником пушкинских строк лишь суры Корана», и

говорит о том, что «Пушкин использовал наряду с Кораном и жизнеописание Магомета» [Фомичев 1981: 40]. С точкой зрения Фомичева также соглашается П.В. Алексеев, утверждая, что Пушкин, помимо сур, использовал метатекст Корана [Алексеев 2013: 38]. Естественно, исследователи, говоря о включении жизнеописания в содержание цикла, учитывают литературную, авторскую переработку: по мнению Фомичева, «говоря об «агиографичности» содержания цикла, мы постоянно должны иметь в виду ее *лирическую интерпретацию*. <...> Поэт создает обобщенно-лирический образ события» [Фомичев 1981: 40].

Наконец, ряд исследователей видит в цикле следы подражаний памятникам античной литературы, что представляется нам вполне возможным, т.к. до развития интереса к восточной поэзии основным предметом подражаний в русской литературе являлась античная литература. С.В. Березкина, подробно рассматривая I «Подражание», приходит к выводу о том, что «Пушкин, увидев клятву “четой и нечетой” на страницах Веревкина, мог вспомнить лицейские лекции А.И. Галича, на которых рассказывалось о Пифагоре и Аристотеле. <...> В основании пифагорейской нумерологии лежала коренная противоположность четного и нечетного. Пифагорейская антиномия дает ключ к толкованию пушкинского стиха. <...> Общевропейский философский контекст уместнее при комментировании пушкинского стиха о “чете и нечете”, нежели коранический» [Березкина 2010: 11-12]. Также П.В. Алексеев в своем исследовании выстраивает парадигму памятников первобытной культуры, неразрывно связанных между собой: Библия — Коран — эпос Гомера [Алексеев 2013: 37]. Исследователь говорит о единых образах, укрепляющих эту связь: «пещера — образ, насыщенный мифологическими смыслами нескольких *концептосфер*: античности (преддверие входа в Аид, как в поэме Ф.П. Дмитриева-Мамонова “Любовь” (1771) и в VI книге “Энеиды” Вергилия; место спасения бога Зевса — критский грот; пещера Полифема; уподобление мира пещере в диалоге “Государство” Платона), христианства (в апокрифах — место рождения Иисуса и излюбленное место уединения святых) и ислама (в горной пещере Магомет получил первое

откровение)» [Алексеев 2013: 39]. Иными словами, тесная взаимосвязь Корана, Библии и античных памятников литературы отражается в «Подражаниях Корану», т.к. в этом цикле находят отражение общие для них образы.

Таким образом, «Подражания Корану» представляют собой цикл, опирающийся на очень насыщенную и сложную систему источников, каждый из которых звучит особой нотой в общем стройном поэтическом ансамбле.

Однако главным источником остается, естественно, сам Коран, как это задано в заглавии цикла. Исследователи проявляют редкое единодушие, сходясь на том, что Пушкин достаточно свободно обращается с оригиналом: «Под пером Пушкина текст Корана сильно видоизменился, <...> религиозная символика превращается в прозрачное аллегорическое покрывало» [Томашевский 1961: 22]; «Пушкин свободно обращается с текстом первоисточника» [Фомичев 1981: 26]; «Пушкин не стремится к точности воспроизведения содержания и словесной структуры оригинала» [Городецкий 1962: 308]. Б.В. Томашевский отмечает даже, что «если критерием достоинства данных “Подражаний” считать точность передачи подлинника, то “Подражания Корану” придется назвать одним из самых неудачных произведений Пушкина» [Томашевский 1961: 285].

Но далее точки зрения расходятся. К.С. Кашталева, проведя детальное сопоставление «Подражаний» и текста Корана в переводе М. Веревкина, пришла к выводу, что Пушкин использовал не менее чем 81 стих из 33 сур при написании цикла [Кашталева 1930: 243-270]. Однако с ней в полемику вступает Б.В. Томашевский, который утверждает, что восемь из девяти «Подражаний» основываются на конкретных местах Корана (например, IV и IX «Подражания», по мнению Томашевского, восходят к суре «Крава») и лишь одно – пятое – сводное. Томашевский считает точку зрения К.С. Кашталевой заблуждением, «потому что подлинный Коран бесконечно повторяет одни и те же формулы. И часто поиски приводят к тому, что нападают не на то место, которое в действительности имел в виду Пушкин, а на его повторение, почему-либо представлявшееся исследователю более удобным для текстуального

сопоставления. Отсюда получается впечатление дробности текстов, легших в основу «Подражаний»» [Томашевский 1961: 22].

Однако оба исследователя не учитывают, что Пушкин одновременно работал и с французским переводом, что является важным, на наш взгляд.

Также необходимо рассматривать «Подражания» в порядке их написания, т.к. это также оказывает влияние на форму и содержание стихотворений цикла.

Наиболее четко этапы создания «Подражаний» выделены С.А. Фомичевым. В опоре на рабочие тетради Пушкина, исследователь выделяет три этапа работы над циклом. В первый этап были созданы III, IV и V Подражания, далекие от оригинального текста, но близкие по форме к русским «духовным одам» XVIII века, традиции которых Пушкин в данном случае использовал. Эти три стихотворения образуют лирическую доминанту всего цикла и являются его первоначальным содержанием. На этом этапе Пушкин пользуется лишь переводом М. Верекина — отсюда насыщенность стихов библейскими образами и близость к «духовным одам». На втором этапе создаются VIII, IX и VI Подражания, и именно на этом этапе Пушкин «пытается освоить его [Корана] высокую нравственную проблематику» [Фомичев 1981: 32-33], поэтому, начав работу «по инерции романтического этапа своего творчества», перерабатывая мотивы Корана в элегическом ключе, но не удовлетворяясь результатом, он переходит к форме притчи — сначала назидательной и сухой (VIII «Подражание»), а затем — притче, воссоздающей поэтический мир восточной сказки (IX «Подражание»). И, наконец, на третьем этапе создаются VII и I (оба «Подражания» вытекают из замысла наброска «В пещере тайной, в день гоненья...» и потому объединены), но каждое из них выполняет свою формообразующую роль: VII «Подражание» отделяет концовку цикла, делает ее оформленной и завершенной, I «Подражание» — своеобразная увертюра всего цикла, в которой заявлены все основные темы, звучащие в последующих стихотворениях. И последним написано II «Подражание», определившее стройную трехчастную структуру всего цикла.

Именно на третьем этапе, по мнению С.А. Фомичева, Пушкин активно включает в работу с циклом жизнеописание Магомета и в целом — перевод Савари.

Также важно отметить, что С.А.Фомичев, несмотря на то, что Пушкин, по его мнению, «избирает из той или иной суры всего несколько стихов, обогащая их стихами, взятыми из других сур» [Фомичев 1981: 26], соотносит с каждым «Подражанием» *одну* суру. По его мнению, первое «Подражание» соотносится с сурой 93-ей «Утро» (ср. «Клянусь утром и ночью, когда она густеет! Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел.» [Коран 93: 1(1) — 3(3)] «Клянусь зарей; четою и нечетою; ночи наступлением; что нечестивые покараются» [Коран 103: 1(1) — 3(3)] и «Клянусь четой и нечетой, / Клянусь мечом и правой битвой, / Клянуся утренней звездой, / Клянусь вечернею молитвой...»¹(47). Второе «Подражание» восходит к суре 33-ей «Сонмы» (ср. «О жены пророка! Вы — не таковы, как какая-нибудь из женщин. Если вы богобоязненны, то не будьте мягки в словах, чтобы не возжелал тот, в сердце которого болезнь, и говорите слово вedomое. Пребывайте в своих домах и не украшайтесь украшениями первого неведения. Выстаивайте молитву, давайте очищение и повинуйтесь Аллаху и Его посланнику» [Коран 33: 30(30) — 33(33)] и «О, жены чистые пророка, / От всех вы жен отличены: / Страшна для вас и тень порока. / Под сладкой сенью тишины...» (48). Третье, четвертое, восьмое и девятое «Подражания» соотносятся с сурой второй «Крава», при этом совершенно по-разному отражая и интерпретируя основные мотивы: третье «Подражание» повествует о каре, ожидающей неверующих (ср. «...те, которые не уверовали — все равно им, увещевал ты их или не увещевал, - они не веруют» [Коран 2:5 (6)] и «Спокойно возвещай Коран, не понуждая нечестивых» (48); также « [Поклоняйтесь Господу] который землю сделал для вас кровом, а небо — зданием, и низвел с неба воду, и вывел ею плоды пропитания для вас» [Коран 2:20 (22)] и «За то ль, что дал ему плоды, И хлеб, и финик, и оливу, Благословив его труды, И вертоград, и холм, и ниву?» (49);

---

¹ Произведения А.С. Пушкина цит. по: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т.2. М., 1959г.

четвертое Подражание восходит к стиху 261-му, повествующему о гордыне царя Авраама (ср. «Вот сказал Ибрахим: «Господь мой тот — который оживляет и умерщвляет». Сказал он [царь]: «Я оживляю и умерщвляю». Сказал Ибрахим: «Вот Аллах выводит солнце с востока, выведи же его с запада» [Коран 2: 260 (258)] и «Ты рек: я миру жизнь дарую, / Я смертью землю наказую, / На всё подъята длань моя. / Я также, рек он, жизнь дарую, / И также смертью наказую: / С тобою, боже, равен я. / Но смолкла похвальба порока / От слова гнева твоего: / Подъемлю солнце я с востока; / С заката подыми его!» (49); восьмое «Подражание», воспроизводит отрывок суры в форме притчи (ср. «О вы, которые уверовали! Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой, как тот, кто тратит свое имущество из лицемерия перед людьми и не верует в Аллаха и в последний день. Подобен он скале, на которой земля: но постиг ее дождь и оставил голой.» [Коран 2: 266 (264)] и «Но если, пожалев трудов земных стяжання, / Вручая нищему скупое подаянье, / Сжимаешь ты свою завистливую длань, — / Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной, / Что с камня моет дождь обильный, / Исчезнут — господом отверженная дань» (51); девятое «Подражание» наиболее свободно интерпретирует один стих суры, развивая сюжет до полноценного самостоятельного произведения (ср. «Он сказал: «Как оживит это Аллах, после того как оно умерло?» И умертвил его Аллах на сто лет, потом воскресил. Он сказал: «Сколько ты пробыл?» Тот сказал: «Пробыл я день или часть дня». Он сказал: «Нет, ты пробыл сто лет! И посмотри на свою пищу и питье, оно не испортилось. И посмотри на своего осла — для того, чтобы Нам сделать тебя знамением для людей, — посмотри на кости, как Мы их поднимаем, а потом одеваем мясом». И когда стало ему ясно, он сказал: «Я знаю, что Аллах мощен над всякой вещью!» [Коран 2: 261 (259)] и «И лег, и заснул он близ верной ослицы — / И многие годы над ним протекли / По воле владыки небес и земли. / Настал пробужденья для путника час; / Встает он и слышит неведомый глас: / «Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?» / И он отвечает: уж солнце высоко / На утреннем небе сияло вчера; С утра я глубоко проспал до утра. / Но голос: «О путник, ты долее спал;

Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал» (52). Пятое опирается на суру 55-й «Милосердный» (ср. «Солнце и луна — по сроку. И небо он воздвиг и установил весы. И землю он положил для тварей. На ней — плоды и пальмы, и злаки с травой, и благоуханные травы» [Коран 55: 4(5) — 11(12)] и «Земля недвижна — неба своды, / Творец, поддержаны тобой, / Да не падут на сушь и воды / И не подавят нас собой» (49). Шестое «Подражание» соотносится с сурой 60-й «Победа», и седьмое «Подражание» восходит к суре 73-ей Робкий (ср. «Простаивай ночь, если не много, - половину ее, или убавь от этого немного, или прибавь к этому и читай Коран чтением. <...> Ведь вставание ночью — оно сильнее по действию и прямее по речи» [Коран 73: 2(2) — 6(6)] и «До утра молитву / Смиренно твори; / Небесную книгу / До утра читай!» (51).

Таким образом «Подражания Корану» - это сложный синтез коранических, библейских, агиографических, античных и автобиографичных мотивов, который, однако, в соответствии с протестическим гением Пушкина, глубоко проникает не только в характер восточной поэзии, но и в самый дух восточного мировосприятия и миропереживания. Отсюда – задача рассмотрения субъектной организации цикла и средств выразительности для выявления специфических черт восточной поэзии в цикле «Подражания Корану».

2.2. СВОЕОБРАЗИЕ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ПОДРАЖАНИЙ КОРАНУ»

«Подражания Корану» - лирический цикл со специфической субъектной организацией, обусловленной спецификой первоисточника: в Коране повествование ведется либо от лица Господа, или от лица его пророков. В

первом «Подражании» в качестве субъекта лирического высказывания выступает Аллах:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй (47).

В тексте Корана находим источник «Подражания»: «Разве не нашел Он тебя сиротой — и приютил? И нашел тебя заблудшим — и наставил на путь? И нашел тебя бедным — и обогатил? И вот сироту ты не притесняй, а просящего не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай» [Коран 93:6(6) — 11(11)].

Из текста «Подражания» ясно видно, что речь Аллаха обращена к пророку Магомету, поскольку в ней появляется агиографический мотив гонения, мотив могущества языка и «власти над умами» и также непосредственно упоминание деятельности пророка: «и мой Коран дрожащей твари проповедуй».

На то, что к Магомету обращается сам Аллах, указывают упоминания о его деяниях: «я скрыл от зоркого гоненья», «я напоил <...> пустынными водами», «я одарил <...> могучей властью над умами». И, наконец, в «Подражании» прямо говорится «мой Коран», что исключает другие варианты субъектной организации.

Во втором «Подражании» лирическое повествование также ведется от лица Аллаха: в первой части дается божественное наставление женам пророка

— аналогичное находим в Коране в суре 33-ей: «О жены пророка! Вы — не таковы, как какая-нибудь из женщин. Если вы богобоязненны, то не будьте мягки в словах, чтобы не возжелал тот, в сердце которого болезнь, и говорите слово вedomое. Пребывайте в своих домах и не украшайтесь украшениями первого неведения. Выстаивайте молитву, давайте очищение и повинуйтесь Аллаху и Его посланнику» [Коран 33: 30(30) — 33(33)] ср. с:

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало (48).

Прямое же указание на лицо повествователя находим во второй части:

Брегитесь суетами света
Смутить пророка *моего* (курсив наш – Д.П.) (48).

В третьем «Подражании» субъектная организация усложняется: помимо голоса Аллаха здесь также появляются голоса пророка и человека на что обратили внимание М.П. Дарвин и В.И. Тюпа в работе «Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания» [Дарвин, Тюпа 2001: 77]. По мысли исследователей именно человек как таковой оказывается центральной фигурой, объединяющей все разнородные стихотворения в единый цикл – его лирическим героем, раскрывающимся в сложных взаимоотношениях диалогового характера с Аллахом и пророком Магометом. Третье подражание в этом смысле оказывается самым сложным в плане субъектной организации, поскольку в нем взаимодействуют все три голоса: лирического героя, пророка и Аллаха. В первом четверостишии мы слышим голос лирического героя, несколько отстраненно взирающего на мир:

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближение:

Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье (48).

Затем вступает могучий голос Аллаха, увещающего своего пророка:

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых! (48).

И далее, в центре стихотворения, мы слышим голос пророка, который задается вопросами о человеческой природе и божественном замысле. Т.к. пророк является промежуточной фигурой между Аллахом и человеком, он обладает мятущимся сознанием, что заставляет его размышлять о сущности жизни и мотивах человеческих деяний:

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?
За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле? (48-49).

И в заключении снова слышен голос Аллаха:

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом (49).

О том, что субъектом речи является Аллах, свидетельствует пророчество о дне Страшного суда и наказании неверующих.

М.П. Дарвин и В.И. Тюпа утверждают, что именно человек (лирический герой) занимает центральное место в лирическом сюжете цикла, ибо именно он «становится причиной “смущения” пророка и взволнованных “доказательств” бога в наставительных речах, обращенных к “нечестивым”» [Дарвин, Тюпа 2001:77]. Т.е. А.С. Пушкин сознательно нарушает субъектную организацию Корана для усиления назидательности и патетичности, с одной стороны (обращения пророка к постороннему), и для более острого взгляда — с другой.

Если человек выступает в цикле в статусе лирического героя, наиболее близкого биографическому автору, то Магомет, с которым он вступает в диалог, отнюдь не пассивное лицо. У него есть своя позиция, он также вступает в отношения с Аллахом. Но это носитель другого сознания по отношению к лирическому герою. Пожалуй, его можно определить как ролевого героя, внутренний мир которого раскрывается, в частности, в четвертом подражании:

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил (49).

Однако в этом «Подражании» также присутствует прямая речь Аллаха и царя, возмнившего себя более могущественным, чем Бог — в этом диалоге реплики Магомета являются лишь связующим элементом (выделено курсивом — курсив наш):

Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, *рек он*, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.

Но смолкла похвальба порока

От слова гнева твоего:

Подъемлю солнце я с востока;

С заката подыми его! (49).

В этом «Подражании» Аллах наделяется абсолютной, безграничной силой, отождествляется с природой: «Подъемлю солнце я с востока, с заката подыми его!». М.П. Дарвин так комментирует это «Подражание»: «Бог в контексте цикла выступает в виде персонифицированной космической силы природы» [Дарвин, Тюпа 2001: 79].

В пятом «Подражании» снова слышен голос Магомета: в первой части «Подражания» он обращен к Аллаху, восхваляет его могущество и силу:

Земля недвижна — неба своды,

Творец, поддержаны тобой,

Да не падут на сушь и воды

И не подавят нас собой (49).

Во второй части пророк обращается к людям, призывает их уверовать:

Творцу молитесь; он могучий:

Он правит ветром; в знойный день

На небо насылает тучи;

Дает земле древесну сень (50).

В последнем же четверостишии снова появляется автор-повествователь:

Он милосерд: он Магомету

Открыл сияющий Коран,

Да притечем и мы ко свету,

И да падет с очей туман (50).

Называние Аллаха и Магомета в третьем лице явно указывает на присутствие в лирическом пространстве стихотворения сознания лирического героя-человека. Строка «Да притечем и *мы* ко свету» указывает, что в этом сознании акцентируется аспект общечеловеческий. Он — один из множества,

представитель рода человеческого, т.е. не избранный, но уверовавший или жаждущий этого: «И да падет с очей туман».

В шестом «Подражании» определить субъект речи не так легко: ни обращения, ни какие-либо особенности на него не указывают напрямую, поэтому здесь возможны различные интерпретации. Во-первых, это может быть глас Аллаха, прославляющего правоверных, павших в бою с нечестивыми:

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призыванье
Не шли, не веря дивным снам.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.
Блаженны павшие в сраженье:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем (50).

В Коране именно Аллах призывает к битве с неверующими, обещая награду после смерти.

С другой стороны, субъектом речи может быть и Магомет — в «Подражании» присутствует мотив сна, что, во-первых, ассоциируется с миром человеческим, не божественным, а во-вторых, именно во снах Магомет получал пророческие видения:

Недаром вы приснились мне,
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу! (50).

Нам кажется наиболее верным второй вариант — субъектом речи является Магомет, увидевший пророческий сон, предрекающий победу. Однако это не исключает возможной включенности личных мотивов и лирического смысла в это «Подражание».

Далее, в седьмом «Подражании», субъектная организация снова упрощается и становится прозрачной — из текста стихотворения очевидно, что речь принадлежит Аллаху:

Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай! (51).

«Подражание» обращено к Магомету и содержит в себе наставления Господа своему пророку: практически все глаголы в стихотворении использованы в форме повелительного наклонения, предложения восклицательные.

В предпоследнем, восьмом «Подражании», субъектом речи снова становится Магомет — он обращается к людям с наставлением от Господа:

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою (51).

Упоминание Бога в третьем лице («щедрота полная угодна небесам», «господом отверженная дань») свидетельствует о том, что в стихотворении речь идет от лица пророка, а не непосредственно от Аллаха.

Наконец, в заключительном «Подражании» лирический герой назван прямо — «путник усталый». Образ предельно обобщен. Однако при рассмотрении всего цикла в комплексе [Дарвин, Тюпа 2001: 81] есть явная переключка с первым «Подражанием», в котором Аллах спрашивает Магомета: «Не я ль в день жажды напоил тебя пустынными водами?». В тексте девятого «Подражания» находим:

И кладез под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы...(52).

Таким образом, «создается своеобразное композиционное кольцо: «путник усталый» как бы повторят путь уже пройденный пророком» [Дарвин, Тюпа 2001:81].

С другой стороны, при сопоставлении «Подражания» с текстом Корана, находим источник: «И умертвил его Аллах на сто лет, потом воскресил. Он сказал: «Сколько ты пробыл?» Тот сказал: «Пробыл я день или часть дня». Он сказал: «Нет, ты пробыл сто лет! И посмотри на свою пищу и питье, оно не испортилось. И посмотри на своего осла — для того, чтобы Нам сделать тебя знамением для людей, — посмотри на кости, как Мы их поднимаем, а потом одеваем мясом». И когда стало ему ясно, он сказал: «Я знаю, что Аллах мощен над всякой вещью!» [Коран 2: 261 (259)]. В данном стихе суры Крава говорится о действительно абстрактном человеке, который обрел веру, увидев доказательство силы Аллаха. Поэтому возможно в «Подражании», сохранившем притчевость суры, сохранился и субъект речи.

Нам представляется верным определить субъект речи так: путник — лирический герой, абстрактный человек (упомянутый в Коране), и его путешествие и духовное перерождение — повторение пути пророка, таким образом «универсализируется жизненный путь пророка, снимает момент его исключительности» [Дарвин, Тюпа 2001:81]. Однако это не снимает полностью возможности присутствия личных автобиографических мотивов А.С. Пушкина: некоторое отождествление себя с фигурой пророка так или иначе присутствует в цикле, что естественно, поскольку лирический герой — обычно форма наиболее близкая биографическому автору — прототипу.

Таким образом, проанализировав субъектную организацию цикла, можно сделать следующие выводы: «Подражания» имеют сложную субъектную организацию: помимо голоса лирического героя в нем слышны и голоса Аллаха и Магомета, в какой-то степени занимающих позиции ролевых героев. Цикл разворачивается как сложный диалог трех сознаний, причем голоса могут не только звучать ясно и отдельно, но и способны сливаться, звучать в унисон, когда оказывается трудно отделить один голос от другого. Отсюда — полифоническая основа лирического сюжета в «Подражаниях Корану», заметно отличающая их от первоисточника. Такая субъектная организация позволяет выразить стереоскопическое мировосприятие и миропереживание.

2.3. СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЦИКЛА

Поэтичность Священной книги мусульман вдохновила А.С. Пушкина на создание «Подражаний Корану». Этот цикл насыщен образами и символами, почерпнутыми из оригинального текста, и, несмотря на свободное обращение

А.С. Пушкина с первоисточником, «Подражания» точно передают восточный колорит и дух Корана.

В первом же четверостишии первого «Подражании» видим классическую для Корана формулу:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой (47).

Сам А.С. Пушкин пишет в комментарии к этому стихотворению: «В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободой Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно» [Пушкин 1959: 53]. Таким образом, поэт сознательно использует наиболее употребимый в Коране оборот, дополнительно усиливая эффект анафорой — многократное повторение клятвы создает особенно сильное впечатление.

Далее это «Подражание» строится с помощью риторических вопросов:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами? (47)

В Коране также находим риторические вопросы, задаваемые Магомету: «Разве не нашел Он тебя сиротой — и приютил? И нашел тебя заблудшим — и наставил на путь? И нашел тебя бедным — и обогатил? И вот сироту ты не притесняй, а просящего не отгоняй, а о милости твоего Господа возвещай» [Коран 93:6(6) — 11(11)]. Практически весь Коран построен на обращениях,

риторических восклицаниях и риторических вопросах, т. к. одной из главных характеристик Аллаха — «обращающийся», и потому Книга его также обращена к читающему. А.С. Пушкин остро чувствует это и завершает первое «Подражание» обращением-наставлением:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй (47).

Здесь также, соблюдая форму наставления, все глаголы стоят в форме повелительного наклонения, что указывает на строгость, беспрекословность указаний Аллаха.

«Подражание» также насыщено эпитетами: «правая битва», «зоркое гоненье», «пустынные воды», «могучая власть», «дрожащая тварь» — их образность не является чисто восточной, но через них связываются Коран и Библия как два священных текста, т.к. образы, создаваемые эпитетами, присущи им обоим.

Второе «Подражание» открывает прямое обращение: «О жены чистые пророка! От всех вы жен отличены» - такую же формулу находим в Коране: «О жены пророка! Вы — не таковы, как какая-нибудь из женщин» [Коран 33:30(30) — 33(33)]. Таким образом, заимствована не только тема «Подражания», но даже сам риторический оборот обращения. Заканчивается первая часть «Подражания» риторическим восклицанием — фигурой, также характерной для поэзии Востока:

Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица! (48).

Эпитеты, встречающиеся в этом «Подражании», так же не являются исключительно восточными: «чистые девы», «сладкая сень тишины», «неги законные и стыдливые», «лукавый взор», «велеречивые слова» и т.д., однако образы, представленные этими эпитетами, функционируют в Коране и в целом присущи восточной поэзии.

Также находим здесь образы, встречающиеся исключительно в Коране: «нечестивые», «невольницы», пророк Магомет.

Следующее «Подражание» «Смутясь, нахмурился пророк» содержит в себе традиционное, с точки зрения Корана, наставление Аллаха Магомету с прямым обращением к пророку:

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых! (48)

Финал этого «Подражания» содержит в себе несколько значимых для Корана образов-символов — грозы и Страшного суда:

Но дважды ангел вострубит;
На землю *гром небесный грянет*:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И *нечестивые падут*,
Покрыты пламенем и прахом (49).

Молния, гроза в Коране представляется как орудие божественной кары нечестивых, лишаящее зрения, ослепляющее (неверующие, по Корану, бредут в темноте) — Пушкин использует этот символ для изображения сцены Страшного суда. Описание Судного дня занимает важное место в Коране — упоминание кары неверующих «в последний день» огнем и страданием присутствует почти в каждой суре. Сцена, представленная в последних четверостишиях этого «Подражания» представляется такой живой и яростной — в этих строках дышит праведный гнев правоверного мусульманина.

В четвертом «Подражании» находим, наоборот, обращение Магомета к Аллаху, что также часто встречается в Коране:

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил (49).

Также в этом «Подражании» необходимо отметить черту, особенно характерную для восточной поэзии и исключительно редко встречающуюся в произведениях русских поэтов — полный повтор синтаксической конструкции:

Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую (49).

<...>

Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую... (49).

Эпитеты в этом «Подражании» призваны усилить противостояние между Богом и царем: Аллах - «всесильный», в то время как царь объят «безумной гордостью», и гордость его - «похвальба порока».

К пятому «Подражанию» А.С. Пушкин написал известный комментарий: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!» (53). Он относится к первой строфе:

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой (49).

В этом четверостишии действительно очень точно отражена «смелая поэзия» Корана: несмотря на усмешку, которую вызывает это четверостишие у Пушкина как носителя европейского сознания, Пушкин-поэт тонко чувствует его соответствие восточной поэтике цикла.

Также именно в этом «Подражании» находим первое за весь цикл сравнение:

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,

Как лен, елею напоенный,
В лампадном светит хрустале (50).

Сравнения не свойственны поэтике Корана — потому и в «Подражаниях» они встречаются крайне редко. «Подражания», следуя за Кораном и восточной поэтической традицией в целом, акцентируют яркие образы, символику и построение фраз, насыщенность их специфическими формулами и риторическими оборотами. Например, находим в «Подражании» формулу восхваления Аллаха: «он могучий», «он милосерд» — эта форма встречается в Коране повсеместно в разных вариациях (Аллах обращающийся и милостивый; великий и мудрый; благороден, знающ и др.).

Шестое «Подражание» в наибольшей степени насыщено эпитетами и образами, несущими в себе поэтику Корана: «окровавленные мечи», «дети пламенных пустынь», «бранное призванье», «дивные сны» и др. Также сама тематика «Подражания» сближает его с воинственным и грозным духом самого Корана. В «Подражании» преобладает восклицательная интонация, что также добавляет патетики, страстности:

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!
Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам (50).

Это боевое по своему содержанию «Подражание» смотрится особенно эффектно на контрасте со следующим, седьмым «Подражанием», самым умиротворенным и интимным стихотворением цикла. Здесь появляется образ пещеры, напрямую ассоциирующийся с гонением Магомета, а также ночной молитвы — оба образа крайне важны для поэтики Корана. Однако эпитеты «святая лампада», «сердечная молитва», «лукавые сны» вновь ведут к

парадигме «Коран — Библия», а не «Коран — восточная поэзия», что, в целом, объясняется спецификой перевода М. Веревкина, который в основном использовал Пушкин.

В восьмом «Подражании» в первую очередь обращаем внимание на метафоричность:

В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам (51).

<...>

Сжимаешь ты свою завистливую длань, —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань (51).

Как было сказано выше, сравнения в Коране встречаются редко, однако развернутая метафора, проходящая через все стихотворение, опирается на сравнение в самом тексте Священной книги, и потому этот случай особенно интересен: Пушкин, внимательно обращаясь с первоисточником и тщательно исследуя его поэтику, находит редкий троп и не упускает возможности использовать его художественность.

В заключительном «Подражании» А.С. Пушкин включает множество мотивов, характерных для восточной поэзии, но отсутствующих в Коране: мотив пустыни, путешествия, оазиса:

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладез под пальмою видит он вдруг (51-52).

Также мотив, присутствующий в Коране, Пушкин видоизменяет: смерть и воскрешение лирического героя заменяется столетним сном и пробуждением:

И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.
Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.
Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал... (52).

Однако мотив чуда — возвращение молодости, оживление ослицы — перешел в «Подражание» напрямую из Корана. Таким образом, это «Подражание» включает в себя мотивы и из восточной поэзии, и из самого Корана.

На основе проведенного анализа «Подражаний Корану» можно заключить, что А.С. Пушкин, создавая этот цикл, отнесся крайне внимательно к образной и символической системе Корана, и именно в этом отношении «Подражания» достаточно близки к оригинальному тексту. Также особое внимание было уделено построению фраз и предложений, риторических конструкций — в этом отношении цикл имеет постоянные переключки с Кораном, на чем неоднократно заострялось внимание по ходу анализа. Это действительно существенно, т.к. Коран, как отмечалось выше, изыщен и поэтичен именно благодаря форме, которую и постарался передать Пушкин. Также сближение со Священной книгой происходит за счет переключек между «Подражаниями»: Коран содержит бесчисленное количество повторений и семантических взаимосвязей между сурами, а порой и между стихами одной суры. «Подражания Корану» также выстроены таким образом, что ведущие темы и мотивы перетекают из одного стихотворения в другое: первое «Подражание» созвучно с девятым — ср.:

(I) Не я ль в день жажды напоил
Тебя *пустынными* водами? (47);
(IX) И кладез под пальмою видит он вдруг.
И к пальме *пустынной* он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы (52).

Также первое «Подражание» перекликается с третьим стихотворением цикла (мотив ниспосланности Корана Магомету):

(I) Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй (47);
(III) Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых! (48);

А также с седьмым (агиографический мотив гонения):

(I) Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья? (47);
(VII) Восстань, боязливый:
В *пещере* твоей
Святая лампада
До утра горит (51).

Помимо первого «Подражания» множество тем, повторяющихся в других «Подражаниях», содержит третье стихотворение: тема Страшного суда звучит также в восьмом «Подражании»:

(III) И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом (49).
(VIII) В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжання,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань (51).

С девятым и четвертым «Подражаниями» их объединяет мотив божьей воли над человеческой жизнью:

(III) За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле? (47);
(IV) Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя (49).
(IX) И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли (52).

Таким образом, видно, что все «Подражания» взаимосвязаны между собой, что только усиливает цикличность произведения, а также сближает его непосредственно с Кораном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проделанной работы мы пришли к следующим выводам: Александр Сергеевич Пушкин в 1823 году обратился к теме Востока, заинтересовавшись текстом Корана – неоспоримая поэтичность языка Священной книги мусульман, отмеченная поэтом, а также яркая фигура пророка Мухаммеда привлекли его и стали источником вдохновения для написания лирического цикла «Подражания Корану». Обращение Пушкина к этой теме в первой половине XIX века закономерно – всеобщее увлечение восточной поэзией в данный период, а также западная мода на ориентализм (в частности, сам Пушкин восхищался восточными мотивами у Байрона) безусловно оказали свое влияние на появление этого цикла.

Однако при работе над «Подражаниями Корану» А.С. Пушкин не ограничивался знакомством исключительно с текстом Священной книги мусульман — был задействован широкий метатекст Корана. Подробный анализ творческой работы поэта над циклом показало, что «Подражания Корану» - это сложный синтез коранических, библейских, агиографических, античных и автобиографичных мотивов. Не следуя букве Корана, но творчески используя образы, мотивы, поэтические приемы целого ряда источников, Пушкин, в силу протейстической природы своего гения, глубоко проникает не только в характер восточной поэзии, но и в самый дух восточного мировосприятия и миропереживания.

Для выявления специфических черт восточной поэтики в «Подражаниях» были проанализированы субъектная организация и используемые Пушкиным средства художественной выразительности. Анализ показал, что «Подражания» имеют сложную субъектную организацию: помимо голоса лирического героя слышны и голоса Аллаха и Магомета, в какой-то степени занимающих позиции ролевых героев. Диалоговые отношения между данными субъектами

лирического переживания позволяют художественно воплотить стереоскопическое, многоуровневое мировосприятие.

А.С. Пушкин отнесся крайне внимательно к образной и символической системе Корана, и именно в этом отношении «Подражания» достаточно близки к оригинальному тексту. Не повторяя буквально конкретные тексты отдельных сур, Пушкин творчески воспринимает и использует целый ряд поэтических приемов, специфические способы построения фразы, предложения, что позволяет говорить о своеобразном поэтическом синтаксисе «Подражаний Корану» как одном из способов художественного воплощения восточного типа мышления и мировосприятия. Отдельно были рассмотрены особенности риторики, играющей важную роль в создании эмоциональной доминанты в «Подражаниях Корану» и определяющих особенности их ритмико-интонационной организации. Благодаря перечисленным приемам Пушкину во многом удалось творчески освоить и передать в своих стихотворениях специфичную для Корана поэтичность, обусловленную особенностями восточной ментальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, П.В. «Le Coran» Савари как источник «Подражаний Корану» А.С. Пушкина [Текст] / П.В. Алексеев // Сибирский филологический журнал, Новосибирский государственный университет, Новосибирск. - 2013. - № 3. - С. 36 — 43.
2. Благой, Д.Д. Пушкин. Итоги и проблемы [Текст]. - М.—Л. : «Наука», 1966. - 321-322 с.
3. Виноградов, В.В. Стиль Пушкина [Текст] / В.В. Виноградов. - М. : ГИХЛ, 1941.
4. Городецкий, Б.П. Лирика Пушкина [Текст] / Б.П. Городецкий. - М.-Л. :1962.
5. Гринцер, П.А. Ранний этап русско-индийских литературных связей. «Саконтала» Карамзина // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. [Текст] / П.А. Гринцер - М. : ИМЛИ РАН, 2004. - С. 33-60.
6. Гуковский, Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля [Текст] / Г.А. Гуковский. - М. : 1957.
7. Добролюбов, Н.А. Рецензия: «Жизнь Магомета». Сочинение Вашингтона Ирвинга / Перев. с английского Петра Киреевского. М., 1857г. // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 3т. Т. 1. [Текст] / Н.А. Добролюбов. - М. : Художественная литература, 1986.
8. Достоевский, Ф.М. Пушкин //Собрание соч.: В 15 т. Т. 14 [Текст] / Ф.М. Достоевский. - СПб. : Наука, 1995. - 425-440 с.
9. Иванов, В.В. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. [Текст] / В.В. Иванов. - М. : Наука, 1985. - 424-470 с.

10. Каганович, С.Л. Русский романтизм и Восток. Специфика межнационального взаимодействия [Текст] / С.Л. Каганович. - Ташкент: ФАН, 1984. – 112 с.
11. Кашталева К.С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник [Текст] / К.С. Кашталева // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л. : 1929. - 243-270 с.
12. Кессель, Л.М. Гете и «Западно-восточный диван» [Текст] / Л.М. Кессель. - М. : Наука, 1973. – 120 с.
13. Лобикова, Н.М. Пушкин и Восток [Текст] / Н.М. Лобикова. - М. : Наука, 1974. - 95 с.
14. Ломидзе, Г.И. Единство и многообразие [Текст] / Г.И. Ломидзе. - М. : Сов. Писатель, 1960. - 527 с.
15. Макогоненко, Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 30-е годы (1830-1833) [Текст] / Г.П. Макогоненко. - Л. : 1974.
16. Намитокова, З.А. Ислам, Коран, Муххамад – что знали о них в России «Пушкинского века»: переводы и издания, исследования и подражания // Восток в русской литературе XVIII-начала XX: знакомство, переводы восприятие [Текст] / З.А. Намитокова. - М. : ИМЛИ РАН, 2004. - 61-82 с.
17. Незеленов, А. Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии [Текст] / А. Незеленов. - Спб. : 1882. - 242с.
18. Николаев, С. И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи // XVIII век. Литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой [Текст] / С.И. Николаев. - М. : Наука, 1986. - 109-122 с.
19. Никулин, Н.И. Введение // Восток в русской литературе XVIII-начала XX: знакомство, переводы восприятие [Текст] / Н.И. Никулин. - М. : ИМЛИ РАН, 2004. - 3-11 с.
20. Овсяннико-Куликовский, Д.Н. Собрание сочинений, т. IV. Пушкин, 2-е изд. [Текст] / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. - 1912. - 197 с.
21. Пумпян, Г.З. Коран и арабо-мусульманские мотивы в русской поэзии XIX-начала XX в. // Назим Межид ад-Дейрави. Коран и пророк Мухаммед в

русской классической поэзии [Текст] / Г.З. Пумпян. - СПб: Фонд исследований исламской культуры, 2011. - 6-19 с.

22. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т.2 [Текст] / А.С. Пушкин. - М. : 1959.

23. Рифтин, Б.Л. Русские переводы китайской литературы в XVIII — первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие [Текст] / Б.Л. Рифтин. - М. : ИМЛИ РАН, 2004. - 12-32 с.

24. Сомов, О. О романтической поэзии // «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов [Текст] / О. Сомов. - М. : Современник, 1983. - 158-174 с.

25. Страхов, Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах [Текст] / Н.Н. Страхов. - Киев: Типография И. И. Чоколова, 1897. - 302 с.

26. Томашевский, Б.В. Пушкин: в 2 кн. Кн. 2. Материалы к монографии (1824-1837) [Текст] / Б.В. Томашевский. - М.-Л. : 1961. — 576 с.

27. Чалисова, Н., Смирнова А. Подражание восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики // Сравнительная философия [Текст] / Н. Чалисова, А. Смирнова. - М. : Восточная литература РАН, 2000. - 245-344 с.

28. Черняев, Н.И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану» [Текст] / Н.И. Черняев. - М. : 1898.

29. Фомичев, С.А. «Подражания Корану»: генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии [Текст] / С.А. Фомичев. - Л. : 1981. — 22-45 с.

30. Фридман, Н.В. «Образ поэта-пророка в лирике Пушкина» [Текст] / Н.В. Фридман // Ученые записки МГУ. М. : 1946. - Вып. 118. Труды кафедры русской литературы. Кн. 2. - С. 102—104.